

УДК 94(497.2+560)"1877/1878":[327+355.01+930.1]

Стоянович М.¹

**РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГОДОВ И СОЗДАНИЕ БОЛГАРСКОГО
ГОСУДАРСТВА: ДИПЛОМАТИЯ, ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ, СУДЬБЫ
ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Тульский государственный университет

Stojanovic Milan

**RUSSO-TURKISH WAR OF 1877–1878 AND THE CREATION OF THE BULGARIAN
STATE: DIPLOMACY, MILITARY ASPECTS, THE FATE OF CIVILIANS AND
HISTORIOGRAPHICAL INTERPRETATIONS**

Tula State University

Аннотация: В статье предпринят всесторонний анализ Русско-турецкой войны 1877–1878 годов и её последствий для создания болгарского государства. На основе широкого круга источников, включая исследования по истории болгарской дипломатии, историографии Восточного вопроса, турецкой и болгарской историографии, а также работы по военной истории и судьбам гражданского населения, автор исследует дипломатические, военные и социальные аспекты конфликта. Особое внимание уделяется решениям Берлинского конгресса 1878 года, созданию Болгарского княжества и Восточной Румелии, формированию болгарской внешней политики в 1878–1885 годах, а также представлению Восточного вопроса в болгарских школьных учебниках. В статье анализируются различные историографические подходы к войне — болгарский (как «освободительная война») и турецкий (как трагедия мусульманского населения). На основе анализа османских архивных материалов и западных дипломатических источников реконструируются масштабы миграций и потерь среди гражданского населения, а также политика великих держав на Балканах. В статье демонстрируется, что война 1877–1878 годов стала поворотным моментом не только для Болгарии, но и для всей системы международных отношений на Балканах, заложив основы «Восточного вопроса» на десятилетия вперёд.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878, Берлинский конгресс, Болгарское княжество, Восточный вопрос, болгарская дипломатия, историография, судьбы гражданского населения, мухаджиры, Восточная Румелия, национальная идентичность, Россия, Болгария.

¹ Стоянович Милан – старший преподаватель кафедры «История государства и права» института права и управления ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет». e-mail: legendanish@yandex.com

Abstract: The article undertakes a comprehensive analysis of the Russo-Turkish War of 1877–1878 and its consequences for the creation of the Bulgarian state. Based on a wide range of sources, including studies on the history of Bulgarian diplomacy, historiography of the Eastern Question, Turkish and Bulgarian historiography, as well as works on military history and the fate of civilians, the author examines the diplomatic, military and social aspects of the conflict. Special attention is paid to the decisions of the Congress of Berlin in 1878, the creation of the Principality of Bulgaria and Eastern Rumelia, the formation of Bulgarian foreign policy in 1878–1885, as well as the representation of the Eastern Question in Bulgarian school textbooks. The article analyses various historiographical approaches to the war — Bulgarian (as a "war of liberation") and Turkish (as a tragedy of the Muslim population). Based on the analysis of Ottoman archival materials and Western diplomatic sources, the scale of migrations and losses among the civilian population, as well as the policy of the Great Powers in the Balkans, are reconstructed. The article demonstrates that the war of 1877–1878 became a turning point not only for Bulgaria but also for the entire system of international relations in the Balkans, laying the foundations of the "Eastern Question" for decades to come.

Keywords: Russo-Turkish War of 1877–1878, Congress of Berlin, Principality of Bulgaria, Eastern Question, Bulgarian diplomacy, historiography, fate of civilians, Muhajirs, Eastern Rumelia, national identity, Russia, Bulgaria.

Введение

Русско-турецкая война 1877–1878 годов занимает одно из центральных мест в истории Балканского полуострова XIX века. Этот конфликт, ставший четвёртым по счёту столкновением между Российской и Османской империями, привёл к кардинальным изменениям политической карты региона и заложил основы для создания современных балканских государств. Как справедливо отмечает Дэвид Шиммельпеннинк ван дер Ойе, это была «последняя крупная европейская война XIX века» (Schimmelpenninck van der Oye, 2011, p. 1). Для болгарского народа эта война стала «освободительной», положив конец почти пятивековому османскому владычеству и открыв путь к созданию современного болгарского государства.

Однако значение войны 1877–1878 годов выходит далеко за рамки национально-освободительного движения. Как показывает анализ документов, этот конфликт стал важнейшим этапом в эволюции «Восточного вопроса» (Стоянович, Балканы, 2025), продемонстрировав как растущую роль великих держав в балканских делах, так и внутреннюю слабость Османской империи. Решения Берлинского конгресса (13 июня — 13

июля 1878 года) не только перекроили карту Балкан, но и создали сложную систему вассальных отношений, которая определяла развитие региона на протяжении трёх последующих десятилетий. Вильям Лангер (Langer, 1931, р. 150–170) справедливо подчёркивает, что Берлинский конгресс стал прекретницей в системе европейских союзов, поскольку углубил противоречия между Россией и западными державами, особенно Великобританией и Австро-Венгрией.

Цель настоящей статьи — представить всесторонний анализ Русско-турецкой войны 1877–1878 годов и её последствий для создания болгарского государства, рассматривая данный конфликт через призму дипломатических, военных и социальных аспектов. Особое внимание уделяется различным историографическим интерпретациям этих событий в болгарской и турецкой историографии, а также судьбам гражданского населения, ставшего жертвой боевых действий. Исследование основано на широком круге источников, включая османские архивные материалы, западные дипломатические документы, а также фундаментальные труды по истории Балкан.

1 Дипломатическая история: от Сан-Стефано к Берлину

Подписание Сан-Стефанского мирного договора 3 марта 1878 года стало кульминацией русского военного успеха. Согласно его условиям, создавалась «Великая Болгария» — обширное автономное княжество, простиравшееся от Дуная до Эгейского моря и включавшее значительную часть Македонии (Köse, 2006, р. 244). Однако этот договор вызвал резкое противодействие со стороны Великобритании и Австро-Венгрии, которые опасались усиления русского влияния на Балканах. (Стоянович, Балканы, 2025) Как отмечается в документе о возникновении болгарской дипломатии, «решения Берлинского конгресса лишают Болгарию права иметь свои дипломатические представительства в других странах», а высший ранг, который имели дипломаты великих держав в княжестве, — это генеральный консул (Възникване на българската дипломация, 2024, р. 1).

Берлинский конгресс, созданный по инициативе канцлера Германии Отто фон Бисмарка, привёл к значительному пересмотру условий Сан-Стефанского договора. Болгарская территория была разделена на три части: Княжество Болгария (вассал Османской империи), Восточная Румелия (автономная область под политической и военной властью султана) и Македония с Адрианопольской Фракией (возвращены Порте с рекомендацией провести реформы) (Възникване на българската дипломация, 2024, р. 1). Как подчёркивает болгарский исследователь, «при этой ситуации процветание молодого государства зависело от ликвидации его вассального статуса по отношению к турецкому султану, а также от объединения раздробленной болгарской нации» (Възникване на

българската дипломация, 2024, р. 1).

Особого внимания заслуживает анализ того, как Восточный вопрос трактовался в болгарских школьных учебниках в период 1878–1944 годов. Наум Кайчев в своём исследовании показывает, что ранние учебники по национальной истории, основанные на труде Константина Иречека, полностью игнорировали термин «Восточный вопрос», представляя появление Болгарии в 1878 году через русоцентрическую призму (Kaytchev, 2012, р. 201). Учебники по «всеобщей истории» предлагали лишь фрагментарные, в основном русскоцентричные перспективы, связывая Восточный вопрос с изолированными кризисами и конфликтами XIX века (Египет, Крым) и усиливая образ России как единственного защитника балканских христиан. Как отмечает Кайчев, «преподавание истории в болгарской школьной системе состояло из курсов либо по «всеобщей истории», либо по болгарской национальной истории» (Kaytchev, 2012, р. 202).

Реформа учебного плана 1925 года стала поворотным моментом: новые программы для старших классов требовали специального урока по этой теме. В 1928 году поколение болгарских авторов наконец определило Восточный вопрос как соперничество великих держав из-за османского упадка, переплетённое с балканскими национальными движениями, помещая его истоки в конец XVII века и интегрируя как экономические, так и стратегические мотивы (Kaytchev, 2012, р. 201). Однако, как подчёркивает Кайчев, трактовки оставались неравномерными — сформированными политическими течениями, авторскими заимствованиями и педагогическими ограничениями (Kaytchev, 2012, р. 202).

2 Военные аспекты конфликта

Русско-турецкая война 1877–1878 годов характеризовалась как классическими манёврами, так и новыми тактическими подходами, обусловленными техническим прогрессом. Как отмечает Шиммельпеннинк ван дер Ойе, план русского командования, разработанный генерал-майором Николаем Обручевым, предусматривал стремительное наступление через Румынию и Балканские горы к Константинополю (Schimmelpenninck van der Oye, 2011, р. 1). Вспомогательный корпус на Кавказе должен был предпринять отвлекающий удар в Восточной Анатолии. Ключевым элементом стратегии было избегание «Четырёхугольника» — комплекса четырёх сильных крепостей в Рушуке, Силистре, Шумле и Варне, что позволяло обойти укреплённые позиции турок.

Первая фаза кампании прошла почти полностью по плану. 27 июня 1877 года генерал-майор Михаил Драгомиров форсировал Дунай у Зимницы — операция, которую до сих пор считают образцовой в российской военной истории (Schimmelpenninck van der Oye, 2011, р. 2). К 19 июля авангард генерала Иосифа Гурко уже захватил Шипкинский перевал

— ключ к преодолению Балканских гор. Казалось, что до Константинополя осталось всего 250 км. Однако драматические события у Плевны изменили ход кампании.

Осада Плевны, длившаяся с 19 июля по 10 декабря 1877 года, стала одним из самых кровопролитных эпизодов войны. Осман-паша занял укрепленные позиции у Плевны с 30 000 человек. Три русских штурма (20 июля, 30 июля и 11 сентября) оказались неудачными и привели к тяжёлым потерям. Как отмечает Шиммельпеннинк ван дер Ойе, «второй штурм Плевны обернулся ещё одной кровавой катастрофой» из-за неэффективной разведки, артиллерийской подготовки и недооценки смертоносной силы ружейного огня с защищённых позиций (Schimmelpenninck van der Oye, 2011, p. 3). Только после прибытия 20 000 румынских войск под командованием князя Кароля и организации осады под руководством генерала Эдуарда Тотлебена, ветерана обороны Севастополя, Плевна была взята. Осман-паша капитулировал 10 декабря 1877 года. Болгарские историки Константин Косев и Стефан Дојнов (Kosev & Doynov, 2007, p. 89–112) подчёркивают, что взятие Шипки и падение Плевны стали переломными моментами, предопределившими исход войны в пользу России и балканских христиан.

Зимнее наступление русских войск через Балканские горы стало триумфом. 12 декабря 1877 года великий князь Николай Николаевич получил разрешение императора на наступление, и русские войска, застигнув турок врасплох, сломали их сопротивление. Филиппополь (Пловдив) пал 15 января 1878 года, Адрианополь (Эдирне) — 20 января без боя. Когда русский авангард достиг ворот Константинополя, Абдул-Хамид II запросил мира, и 31 января было заключено перемирие. Только своевременное прибытие британской эскадры в Мраморное море помешало русским занять османскую столицу (Schimmelpenninck van der Oye, 2011, p. 3).

3 Судьбы гражданского населения: между двумя нарративами

Одним из наиболее драматичных и спорных аспектов войны 1877–1878 годов являются судьбы гражданского населения. Как показывает Кшиштоф Попек в своём исследовании, болгарская и турецкая историографии предлагают принципиально различные интерпретации этих событий (Poprek, 2021, p. 515). Для болгар война стала «освободительной» и символизирует конец «турецкого ига». Для турок она — трагедия мухаджиров (беженцев), страдания мусульманского гражданского населения, связанные с погромами, эмиграцией и изгнанием.

Попек подчёркивает, что «этническая и религиозная карта Болгарии, основанная на балансе христиан и мусульман, была изменена до соотношения 3:1 в пользу болгар» (Poprek, 2021, p. 516). Исход мусульман был наиболее масштабным на территориях, где боевые

действия были наиболее интенсивными, например, в Западной и Центральной Болгарии. В Северо-Восточных районах, которые русские не оккупировали во время войны, например в Шумене и Варне, крупная исламская община сохранилась до наших дней (Рорек, 2021, р. 517).

Масштабы потерь среди мусульманского населения остаются предметом ожесточённых дискуссий. Попек приводит различные оценки: от 100 000 до 1 500 000 беженцев и жертв. По данным болгарских историков, от 100 000 до 150 000 мусульман покинули болгарские земли во время войны, из которых 75 000–80 000 вернулись после её окончания (Рорек, 2021, р. 519). Турецкие исследователи называют значительно более высокие цифры. Джастин Маккарти (McCarthy, 1995, р. 87–92) оценивает, что около 500 000 муслимана покинуло болгарские земли, а половина из них погибла в результате военных действий, голода, болезней и холода. Билал Шимшир (Şimşir, 1988, р. 34–38) отмечает, что турецкое население сократилось с примерно 1 120 000 в 1878 году до 527 284 в 1881 году, что представляет собой падение более чем на 50%. Kemal Karpat (2002, р. 150–165) считает, что эти миграции заложили основы для современного турецкого общества и государства, поскольку мухаджеры составили значительную часть населения новой Турецкой республики. Омер Туран (Turan, 1998, р. 25–40) и Осман Кёсе (Köse, 2006, р. 246–250) также подчёркивают систематический характер давления на муслиманское население.

Попек также подчёркивает, что проблема с историографическими видениями войны связана с достоверностью западных дипломатических источников и материалов корреспондентов. «Эти сообщения о жестокостях, совершённых мусульманами, болгарами или русскими, часто были преувеличены. Число жертв было завышено, видения массовых убийств демонизированы, описания страданий гражданского населения расцвечены» (Рорек, 2021, р. 527). Это было результатом как журналистского сенсационализма, так и стереотипов о Балканах, обычно ассоциируемых с варварством, погромами и жестокостью. (Стойанович, Балканы, 2025)

4 Создание болгарской дипломатии и внешнеполитические вызовы

Освобождение Болгарии создало принципиально новую ситуацию в международных отношениях на Балканах. Молодое княжество столкнулось с рядом сложных внешнеполитических задач, которые требовали создания эффективной дипломатической службы. Как отмечается в документе о возникновении болгарской дипломатии, «начало современной болгарской дипломатии отмечено тяжёлыми условиями Берлинского конгресса» (Възникване на българската дипломатия, 2024, р. 1).

Одной из главных задач стало преодоление вассальной зависимости от Османской

империи. Тырновская конституция, принятая Великим народным собранием, заложила основы суверенного государства, несмотря на ограничения Берлинского трактата. Как подчёркивается в документе, «Первое Великое народное собрание отклонилось от положений Берлинского трактата и вместо Органического устава приняло конституцию, какая полагается суверенному государству» (Възникване на българската дипломация, 2024, р. 1). Основной закон содержал положения, которые уменьшали ограничения, наложенные великими державами, фактически игнорируя власть султана как сюзерена болгар.

В 1879–1880 годах правительства России, Германии, Австро-Венгрии, Франции, Англии, Сербии, Румынии и Греции направили своих дипломатических представителей в Болгарию (Възникване на българската дипломация, 2024, р. 1). В свою очередь, правительство в Софии отправило первых дипломатических агентов в соседние балканские государства. Однако невозможность установления равноправных отношений с другими странами и сложная международная обстановка предопределили два основных направления во внешней политике. Оба были нацелены на восстановление единства болгарской нации в границах, определённых Сан-Стефанским договором, но либералы делали ставку на Россию, тогда как консерваторы и князь Александр Баттенберг пытались решить национальный вопрос с помощью Запада (Възникване на българската дипломация, 2024, р. 2).

Особое внимание уделялось положению болгар в Македонии и Адрианопольской Фракии. Болгарское правительство стремилось облегчить их положение как дипломатическим путём, так и через церковные каналы, используя Экзархию, которая могла поддерживать единство болгарского народа, несмотря на разделения, навязанные Берлинским трактатом. В январе 1881 года болгарское правительство направило ноту представителям великих держав, требуя выполнения статьи 23 того же договора, предусматривавшей установление автономного управления в Македонии (Възникване на българската дипломация, 2024, р. 2). Это требование было повторено и в 1884 году в связи с убийством болгарского экзархийского наместника в Дебре. Однако великие державы остались глухи к подобным требованиям.

Важной вехой стала конвенция с Австро-Венгрией, Турцией и Англией об эксплуатации Восточных железных дорог барона Хирша. С посредничеством Австро-Венгрии компания отказалась от своих прав и обязательств на территории Княжества. Соглашение освобождало болгарское государство от обязательства построить линию Ямбол-Шейтанджик и от долгов, связанных со строительством этих железнодорожных линий (Възникване на българската дипломация, 2024, р. 3). В 1884 году линия Русе-Варна была выкуплена Англией, и болгарское правительство получило все права на неё, что

означало национализацию всего железнодорожного транспорта в княжестве.

5 Объединение Болгарии 1885 года и международная реакция

Кульминацией усилий болгарской дипломатии стало объединение Княжества Болгария с Восточной Румелией 6 сентября 1885 года. Как отмечается в документе, «правительства Княжества Болгария поддерживали и неофициальные контакты с автономной Восточной Румелией, которые облегчали передвижение людей и товаров между двумя болгарскими территориями» (Възникване на българската дипломация, 2024, р. 3). В 1880 году было положено начало объединительному движению, которое через пять лет увенчалось успехом.

Россия, однако, выступила против этого акта, так как он усиливал позиции князя Александра Баттенберга в болгарском обществе. Кроме того, она опасалась, что новый «Берлинский конгресс» мог бы уменьшить её влияние на Балканах. Одновременно отрицательное отношение Петербурга мотивировало Лондон и Вену оказать поддержку объединению (Възникване на българската дипломация, 2024, р. 3). Однако великие державы испытывали колебания, так как объединение меняло статус-кво на Балканах и могло спровоцировать серию подобных актов. Турция также воздерживалась от решительных мер в защиту своих прав на эту провинцию, гарантированных Берлинским договором, ожидая реакции Европы.

Неопределённость и противоречия между великими державами поощрили амбиции сербского правительства расширить свою территорию на восток за счёт Болгарии. В последовавшей Сербско-болгарской войне (ноябрь 1885 года) категорическая победа болгар предредила успешное завершение объединения (Възникване на българската дипломация, 2024, р. 3). При новой ситуации великие державы попытались сохранить формальный статус-кво, наложенный Берлинским конгрессом. Представители Западной Европы предложили персоналию, по которой князь Александр Баттенберг назначался правителем Восточной Румелии. Россия же настаивала на административной унии, которая фактически изолировала бы князя от управления территориями к югу от Балкан. Её предложение было отклонено, и в середине декабря Княжество Болгария подписало предварительное соглашение с Портой, по которому князь Александр назначался правителем Восточной Румелии. Соглашение не предусматривало значительных изменений в статусе области, а Болгарское княжество обязывалось платить ежегодный налог султану в размере 200 000 турецких лир (Възникване на българската дипломация, 2024, р. 3).

20 января 1886 года был подписан окончательный договор между Турцией и Княжеством Болгария. Согласно ему, князь Александр Баттенберг должен был управлять

Восточной Румелией в течение пяти лет, после чего его функции могли быть продлены или прекращены по усмотрению Порты. Кроме того, в случае беспорядков Турция имела право вводить свои войска на болгарскую территорию для восстановления порядка. Часть болгарских территорий в районе Кырджали, населённая мусульманами, была передана Турции. Сохранялось также действие всех клаузул Берлинского трактата, касающихся территорий Княжества Болгария и Восточной Румелии (Възникване на българската дипломация, 2024, р. 4).

6 Историографические интерпретации: болгарский и турецкий нарративы

Русско-турецкая война 1877–1878 годов остаётся одной из наиболее спорных страниц в историографии Балкан. Как показывает поплёк, болгарская и турецкая историографии предлагают кардинально противоположные трактовки этих событий, и это противостояние, по мнению исследователя, не ограничивается мотивацией историков, но проистекает из самих источников (Рорек, 2021, р. 527).

В болгарской историографии (Константин Косев, Стефан Дојнов, Цонко Генев, Георгий Георгиев, а также российские авторы, такие как Борис Билунов) война традиционно именуется «освободительной». Борис Билунов (Bilunov, 1996, р. 45–67) в своей монографии «Болгария и Россия» представляет войну как результат многовекового стремления болгар к освобождению и подчёркивает решающую роль России. Стефан Дојнов (Doynov, 1978, р. 30–45) описывает энтузиазм болгарской общественности и восприятие России как естественного союзника. Этот нарратив акцентирует роль России как освободительницы балканских христиан от «турецкого ига». Болгарские историки часто оправдывают действия русской армии и болгар во время войны, утверждая, что царские солдаты относились к мусульманскому и христианскому гражданскому населению одинаково. Турецкая эмиграция представляется как результат пропаганды Порты, распространявшей ложные слухи о погромах (Рорек, 2021, р. 526). Согласно этой версии, феномен не был массовым и затрагивал лишь людей, виновных в зверствах 1876 года, османских чиновников и религиозных лидеров, которые нашли убежище.

Турецкая историография (Омер Туран, Билал Шимшир, Кемаль Карпат, а также западные авторы, как Джастин Маккарти и Уильям Холт) предлагает принципиально иной нарратив. Война 1877–1878 годов запомнилась через трагический опыт беженцев (мухаджиров) и страдания мусульманского гражданского населения, связанные с погромами, эмиграцией и изгнанием (Рорек, 2021, р. 516). По мнению турецких исследователей, русские намеренно проводили политику «деисламизации» Балкан и Кавказа с помощью принудительного переселения и экспроприации. Война 1877–1878 годов

представляется продолжением этой политики, начатой в 1830–1850-х годах на Кавказе (Рорек, 2021, р. 523). Омер Туран (Turan, 1998, р. 25–40) подчёркивает, что турецкое меньшинство столкнулось с систематическим насилием и дискриминацией в новом болгарском государстве.

Однако, Попёк предостерегает от упрощённых интерпретаций. Он подчёркивает, что мнения о том, что эти действия были целенаправленным и организованным проектом очистки от мусульман, представленным британским общественным мнением и турецкими историками, вызывают сомнения. В переписке между правительством в Петербурге и российской штаб-квартирой на Балканах нет информации о целенаправленном переселении мусульманского населения. В российских донесениях из Болгарии содержатся призывы к защите гражданских лиц, независимо от их веры. Русские офицеры боролись с актами насилия, совершаемыми солдатами (Рорек, 2021, р. 524). Царская армия организовывала гуманитарную помощь для мусульманских беженцев, что было бы нелогично в контексте планируемых этнических чисток.

Особого внимания заслуживает анализ того, как литература и культура способствовали закреплению этих противоречивых видений войны в болгарском и турецком исторических нарративах. Попек упоминает турецкие произведения Ашика Хыфзы или Хюсейина Реджепа Эфенди и болгарские произведения Ивана Вазова, в частности его поэму «Опълченците на Шипка» (Ополченцы на Шипке) (Рорек, 2021, р. 528). Эти литературные образы создавали и укрепляли национальные мифы, передавая их из поколения в поколение.

7 Политика в отношении мусульманского меньшинства в Болгарском княжестве

Осман Кёсе в своём фундаментальном исследовании, основанном на обширных османских архивных материалах, детально анализирует механизмы давления на мусульманское население в Болгарском эмирате (1878–1908). Он показывает, что турецкое население, оказавшись в новом государстве, столкнулось с систематическим насилием и дискриминацией. Особенно подробно описывается деятельность болгарских четников (вооружённых отрядов), которые совершали набеги на деревни, похищали турок, связывали им руки и ноги, пытали, душили или расстреливали (Köse, 2006, р. 246). Эти действия осуществлялись при попустительстве или даже при координации с болгарскими официальными властями.

Кёсе описывает конкретные случаи: «Болгарские четники окружали сёла, совершали налёты, открыто насиловали женщин, сжигали тела людей ради удовольствия, отрезали органы или жестоко избивали до потери сознания» (Köse, 2006, р. 247). У мусульман конфисковывали самое ценное имущество, деньги, урожай и скот. Особенно циничным

было использование религиозных символов: на стенах мечетей вешали свинину и рисовали кресты, оскорбляя религиозные чувства верующих. Мусульманские религиозные лидеры подвергались унижениям и оскорблениям (Köse, 2006, p. 249).

Особое внимание Кёсе уделяет вопросу разоружения мусульман. Во время войны русские власти изъяли оружие у мусульманского населения и передали его болгарам. Как отмечает Кёсе, «в Болгарском эмирате, в период его основания, мусульмане были полностью лишены оружия. Отсутствие оружия у мусульман позволяло болгарским четникам без страха и сопротивления входить в кварталы и сёла» (Köse, 2006, p. 250). Мусульмане, обращавшиеся в болгарские инстанции с жалобами на насилие, получали циничные советы: «давать отпор бандитам палками» (Köse, 2006, p. 250).

Кёсе также описывает систематический захват земель и недвижимости мусульман. Берлинский договор (статья 12) гарантировал права мусульман на их имущество, однако болгарские власти систематически нарушали эти гарантии. Создавались комиссии, которые должны были решать земельные споры, но они действовали в интересах болгарского населения. Кёсе приводит многочисленные примеры из архивов: мусульмане, имевшие на руках документы о праве собственности, не могли их подтвердить в болгарских судах (Köse, 2006, p. 251–252). Земли передавались болгарским крестьянам за символическую плату, а старые владельцы оставались без средств к существованию. Как отмечает Шимшир (Şimşir, 1988, p. 34–38), эта политика привела к драматическому сокращению мусульманского населения.

Попек также анализирует политику болгарского государства в отношении мусульманского населения в 1878–1912 годах. Несмотря на взаимные зверства «Великого восточного кризиса», после 1878 года общество болгарских земель постепенно восстанавливало свои отношения. После хаоса, царившего сразу после войны, новое болгарское государство проводило довольно либеральную политику в отношении меньшинств по отношению к мусульманам в 1878–1912 годах (Popek, 2021, p. 528). В 1870–1880-х годах имели место многочисленные антимусульманские акции, вызванные современными проблемами, связанными с регулированием земельной собственности, восстаниями, деятельностью бандитов и массовой эмиграцией.

Однако после объединения 1885 года София начала позволять мусульманам жить так, как они хотят, предоставляя им широкую автономию в образовании, администрации и религии. В то время не было ассимиляционных акций или депортаций; напротив, болгарское государство защищало мусульман от Православной церкви и материально поддерживало их школы и мечети (Popek, 2021, p. 529). Для стандартов XIX века такой подход к

религиозному меньшинству можно назвать толерантным. Однако в XX веке болгаро-турецкие отношения уже не были столь гармоничными, что показали принудительные ассимиляционные акции во время Первой Балканской войны (1912) и в коммунистическую эпоху в 1970–1980-х годах (Рорек, 2021, р. 529).

Массовая эмиграция мусульман стала результатом этой политики. Кёсе приводит статистику: по данным французского консула в Варне, только через порт Варны с июня 1879 по сентябрь 1880 года эмигрировало 18 033 турка (Köse, 2006, р. 268). В целом, по оценкам Кёсе, в период с 1878 по 1908 год из Болгарии эмигрировало около 500 000 турок (Köse, 2006, р. 270). Это привело к кардинальному изменению этнического состава региона и созданию предпосылок для будущих конфликтов на Балканах. Маккарти (McCarthy, 1995, р. 87–92) оценивает, что около половины из 500 000 мухаджиров погибли во время исхода. Karpát (2002, р. 150–165) подчёркивает, что эти миграции стали основой для формирования современного турецкого национального самосознания.

Заключение

Русско-турецкая война 1877–1878 годов стала поворотным моментом в истории Балканского полуострова. Конфликт, начавшийся как очередное столкновение между двумя империями, привёл к кардинальному переустройству региона, созданию новых государств и изменению этнического и религиозного баланса. Болгарский народ обрёл независимость после почти пяти веков османского владычества, но цена этой свободы оказалась высокой для многих — как для болгар, так и для мусульманского населения, ставшего жертвой насилия, изгнания и дискриминации.

Берлинский конгресс 1878 года, заменивший Сан-Стефанский договор, создал сложную и противоречивую систему вассальных отношений, которая определяла развитие Болгарии на протяжении трёх десятилетий. Молодое княжество столкнулось с серьёзными дипломатическими вызовами: вассальная зависимость от Османской империи, разделение болгарской нации, давление великих держав и соперничество с соседними государствами. Объединение 1885 года стало первым крупным успехом болгарской дипломатии, но оно не решило всех проблем — Македония и Адрианопольская Фракия оставались под османским владычеством, а отношения с Россией, главной покровительницей болгарского освобождения, резко ухудшились.

Историографический анализ показывает, что память о войне 1877–1878 годов остаётся глубоко разделённой между болгарским и турецким нарративами. Для болгар — это «освободительная война», символ национального возрождения и европейской солидарности. Для турок — это трагедия мухаджиров, символ страданий и изгнания. Эти

противоречивые интерпретации не только отражают разные исторические опыты, но и продолжают влиять на современные болгаро-турецкие отношения, а также на политику памяти в обоих государствах. Как отмечает Лангер (Langer, 1931, p. 150–170), Берлинский конгресс также углубил противоречия между великими державами, особенно между Россией и Западом.

Судьбы гражданского населения — одна из наиболее болезненных и спорных страниц войны 1877–1878 годов. Сложность реконструкции этих событий обусловлена не только идеологической ангажированностью историков, но и фрагментарностью источников, а также влиянием стереотипов и пропаганды. Однако, несмотря на все разногласия, можно утверждать, что война привела к значительным человеческим потерям и массовым миграциям, которые навсегда изменили облик Балкан.

В целом, Русско-турецкая война 1877–1878 годов остаётся одним из ключевых событий XIX века, изучение которого имеет не только академическое, но и актуальное политическое значение. Понимание этого конфликта позволяет глубже осмыслить современные балканские проблемы, корни которых уходят в XIX столетие, а также даёт ключ к пониманию сложных и драматических процессов формирования национальных идентичностей в этом регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Възникване на българската дипломация (1878–1885). Sofia, 2024. 4 p.
2. Bilunov B. N. Bolgariya i Rossiya. Moscow: Nauka, 1996. 240 p.
3. Daskalov R. Bălgarskoto obštество 1878–1939. T. 2: Naselenie, obštество, kultura. Sofia: Iztok-Zapad, 2005. 520 p.
4. Doynov S. Bălgarskata obštественост i Rusko-turskata osvoboditelna voina (1877–1878). Sofia: BAN, 1978. 340 p.
5. Karpat K. Studies on Ottoman Social and Political History. Leiden: Brill, 2002. 320 p.
6. Kaytchev N. The Eastern Question in Bulgarian History Textbooks (1878–1944) // Homo-Politicus in the Balkans: Early Modern Southeast European History in Imperial and Regional Context / Ed. by M. Baramova. Sofia: Iztok-Zapad, 2012. P. 201–216.
7. Kosev K., Doynov S. Ot Shipka i Pleven do San Stefano i Berlin. Sofia: Zahariy Stoyanov, 2007. 420 p.
8. Köse O. Bulgaristan Emareti ve Türkler (1878–1908) // Turkish Studies / Türkoloji Dergisi. 2006. Sayı 1(2). S. 237–272.

9. Langer W. L. European Alliances and Entanglements 1871–1890. New York: Knopf, 1931. 480 p.
10. McCarthy J. Death and Exile: The Ethnic Cleansing of Ottoman Muslims, 1821–1922. Princeton: Darwin Press, 1995. 380 p.
11. Popek K. Liberation and Exile: The Fate of Civilians during the Russo-Turkish War of 1877–1878 in Bulgarian and Turkish Historiography // Prace Historyczne. 2021. Vol. 148(3). P. 515–533. DOI: 10.4467/20844069PH.21.035.14011
12. Schimmelpenninck van der Oye D. Russo-Turkish War (1877–1878) // The Encyclopedia of War. Oxford: Blackwell, 2011. P. 1–4.
13. Şimşir B. The Turks of Bulgaria (1878–1985). London: K. Rustem & Brother, 1988. 320 p.
14. Todorova M. Imagining the Balkans. Oxford: Oxford University Press, 1997. 280 p.
15. Turan Ö. The Turkish Minority in Bulgaria (1878–1908). Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1998. 320 p.
16. Стоянович М. Балканы: история и перспективы, Балканский дипломат, М.: 2025, 336 с.

REFERENCES (transliteration from Russian to English)

1. Vznikvane na blgarskata diplomaciya (1878–1885). Sofia, 2024. 4 p
16. Stoyanovich M. Balkany: istoriya i perspektivy, Balkanskij diplomat, M.: 2025, 336 s.

Рецензент: Самарцева Е.И. – доктор ист. наук, проф., ученый секретарь ФГБУК «Тульский государственный музей оружия», проф. ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».